

ПРЕЗЕНТАЦИЯ УСТНЫХ ИСТОРИЙ В КРАЕВЕДЧЕСКОЙ РАБОТЕ БИБЛИОТЕКИ

Рассматриваются основные методы устно-исторических исследований и возможности их применения в краеведческой работе библиотек. На основе рекомендаций отечественных специалистов в области устной истории формулируются базовые правила по организации архива устных свидетельств в библиотеках.

Ключевые слова: устная история, устно-исторические исследования, семейные архивы, интервьюирование, анкетирование.

N. Sgibneva

THE DEMONSTRATIONS OF ORAL STORIES IN LIBRARY'S REGIONAL STUDIES

The author covers the main ways of oral and history researches and a possibility of its using in libraries' regional studies. Based on recommendations of Russian experts in oral history the article shows the ground rules of archive oral testimonies formation in libraries.

Key words: oral history, oral and history researches, family archives, interviewing, questionnaire.

В отделе краеведческой литературы библиотеки им. В. Г. Белинского уже более трех лет реализуются выставочные проекты под общим названием «История Урала в семейном архиве...», на которых представляются документы, вещи, фотографии из семейных архивов горожан. Выставки неизменно вызывают живой и неподдельный интерес у посетителей, о чем свидетельствуют их многочисленные благодарные отзывы.

Стоит отметить, что в процессе подготовки экспозиций владельцы семейных архивов довольно охотно делятся рассказами о себе и своей семье, воспоминаниями о событиях из жизни страны, запечатленных в их памяти. Эти устные истории во многом уникальны: в них отражены мнения, мысли, чувства, настроения людей определенной исторической

эпохи. Для исследователей они становятся бесценным историческим источником, позволяющим более детально воспроизвести прошлое, рассказать о людях и событиях более живо, чем это делает официальная история. Так, в ходе подготовки выставки о становлении и развитии Химмаша, одного из промышленных районов Екатеринбурга, Николай Панкратьевич Аникеев, чье детство и юность прошли там, рассказал о взрыве церкви Казанской Божией Матери¹, свидетелем которого он был. По его воспоминаниям, в 1974 г. член ЦК КПСС А. П. Кириленко, проезжавший во время своего визита мимо храма, отдал приказ либо уничтожить к тому времени уже полуразрушенную церковь, либо «сделать, чтобы она была красивая». Власти города выбрали первый вариант, и «уже через неделю приехали саперы и взорвали храм», не обращая внимания на возмущения верующих, кричавших: «Безбожники! Атеисты!». Николай Панкратьевич снял все происходившее на пленку. Наличие фотоснимков, на которых видно, как после взрыва церкви столб дыма закрывает солнце и оно приобретает зловещий черный ореол, дополнило и усилило его эмоциональный рассказ. Подобные истории позволяют понять, какие стороны жизни города, страны оказываются наиболее значимыми для людей, и, кроме того, они дают возможность взглянуть на те или иные события глазами очевидцев, воссоздать многообразие точек зрения.

На сегодняшний день устная история – одно из интересных и динамично развивающихся исследовательских направлений в гуманитарной науке. Зарождение устной истории как технологии сбора исторических сведений, основанной на документировании воспоминаний, относится к 1948 г., когда профессор Колумбийского университета Аллан Невинс стал записывать мемуары видных американцев об их участии в общественной, политической, экономической и культурной жизни страны. Однако, как отмечает историк Л. Н. Мазур, первые опыты применения этих методов в российской практике относятся к более раннему времени. Значительные шаги в деле организации записей устных свидетельств

---

¹ Храм был заложен в 1815 г. В сентябре 1824 г. в нем побывал российский император Александр I, приезжавший в Екатеринбург. В 1930-е гг. храм был закрыт. В советские годы в здании храма располагались в разное время клуб детского дома, клуб Химмашзавода, заводской цех (см.: Васюнин О., Морозова О. Богородице-Казанская [Электронный ресурс] // Православный вестник : [сайт]. Екатеринбург, 1999–2016. URL: <http://orthodox-magazine.ru/numbers/at802/> (дата обращения: 09.08.16).

были сделаны еще в начале XX в. краеведами, активно изучавшими истории сел, деревень, колхозов [Мазур, с. 202]. С конца 1920-х гг. индивидуальныe трактовки событий стали неприемлемыми, краеведческие общества оказались закрытыми, а многие их члены репрессированы.

Оживление работы в области устной истории началось лишь в конце 1980-х гг., когда крах коммунистического режима вызвал к жизни целый поток воспоминаний о преступлениях сталинского режима. Существенный вклад в развитие устной истории внесли общество «Мемориал», ставшее инициатором сбора свидетельств очевидцев репрессий в СССР; Общество устной истории СССР, проводившее исследования по проблемам НЭПа, коллективизации, голода, Второй мировой войны, массовых депортаций населения; Всероссийское общество устной истории, организовавшее регулярные конференции по проблемам устной истории [Теория..., с. 345–347].

Сегодня это направление имеет много приверженцев в разных научных центрах страны и дало заметные результаты. Библиотеки также могут внести свой вклад в развитие локальных и региональных исследований, создавая архивы устных историй. Ведь поиск ранее неизвестных сведений, документов о родном крае не менее значимая задача в библиотечном краеведении, чем формирование и систематизация опубликованных источников. Работа по сбору устных историй может стать целым направлением в деятельности сельских, городских, районных библиотек. Наиболее благоприятные условия для этой работы существуют именно у сельских библиотекарей и учителей: проживая длительное время в одном населенном пункте и хорошо зная односельчан, они имеют возможность систематически вести работу по сбору устных документов в течение ряда лет.

Исследователи, решившие начать работу по сбору устных историй, должны понимать, что ее успех во многом зависит от серьезной предварительной подготовки. К сожалению, на практике порой приходится встречаться с краеведами-любителями и библиотекарями, которые годами собирают устные рассказы, но при этом не учитывают обязательных условий, предъявляемых к записям такого рода источников. Неправильно проведенные опросы и оформленные записи не могут быть опубликованы и введены в широкий научный оборот, зачастую они в виде рукописных альбомов остаются без применения, украшая собой интерьеры библиотеки.

По сложившейся традиции наиболее приемлемым и эффективным методом сбора устных историй является опрос двух видов: интервьюирование (устная форма) и анкетирование (письменная форма общения с респондентом).

Интервью – один из основных методов устно-исторических исследований, обладающих большим информационным потенциалом. Применение этого метода требует от исследователя овладения определенными знаниями, умениями и навыками, связанными с выбором информанта, составлением вопросника (сценария беседы), определением места и времени проведения интервью, выбором способа фиксации информации, оформлением результатов беседы. Отечественный специалист в области устной истории Т. К. Щеглова выделила три основных этапа в построении интервью [Щеглова, с. 9–10].

1. Введение и установление контакта. Цель этого этапа – вызвать интерес к беседе, объяснить респондентам, как важны для науки их знания, обозначить свою личную заинтересованность. Обязательное условие – информация о себе и организации, которую интервьюер представляет (школа, институт, музей, библиотека).

2. Программные вопросы. Беседа должна начинаться с общих вопросов, вводящих собеседника в круг обсуждаемых проблем. Затем следуют основные, более сложные вопросы. Оптимальная продолжительность всего интервью составляет 40–50 минут.

3. Оформление паспортной (основных сведений об опрашиваемом) – обязательное условие научной записи. Обычно паспортная содержит следующие данные: фамилия, имя, отчество; год рождения; место рождения; профессия; где и в каком качестве работал или работает (если на пенсии, то с какого времени); адрес.

Важный момент в проведении интервью – создание соответствующего настроения, доверительной, благоприятной атмосферы. Для достижения этого интервьюер должен обладать определенными качествами: доброжелательностью, вниманием, умением слушать. Специалисты отмечают, что нередко опрашиваемые стремятся «угадать» ответ на заданный вопрос, поэтому интервьюеру необходимо быть сдержанным в проявлении собственных реакций на рассказ респондента, не вступать с ним в дискуссию, избегать навязывания тех или иных оценок, задавать в ходе беседы не наводящие, а уточняющие вопросы².

---

² Сотрудники сектора этнографии и устной истории Лаборатории исторического краеведения Барнаульского государственного педагогического университета разработали Кодекс интервьюера, в котором изложили правила поведения исследователя в ходе записи интервью (см.: Щеглова Т. К. Методика сбора устных исторических источников: метод. пособие. Вып. 3. Изд. 3-е, испр. Барнаул, 2006. С. 12).

Не менее важный вопрос – место проведения интервью. Оно должно быть таким, чтобы информант чувствовал себя комфортно. Не рекомендуется проводить интервью в людных помещениях, при посторонних людях. Присутствие «третьих» лиц влияет на атмосферу и содержание ответов. Известно, что большим временем и откровенностью человек располагает в домашней обстановке.

Следующий этап проведения устно-исторических исследований связан с документированием и хранением информации. Чтобы полученные записи опроса, интервью, анкетирования могли быть опубликованы и введены в научный оборот, необходимо соблюдать ряд обязательных условий. Как правило, именно при оформлении устного исторического источника исследователями допускаются серьезные ошибки, которые порой обесценивают всю проделанную работу.

Основное требование к оформлению записи – максимально точная передача текста беседы (от первого, а не от третьего лица), без пропуска отдельных слов и фраз. Для достижения этого лучше фиксировать информацию с помощью звукозаписывающей аппаратуры. Однако перед началом беседы у информанта необходимо спросить разрешение вести запись. Т. К. Щеглова отмечает, что «запоминание и перенесение рассказа позже на бумагу недопустимо. Такой способ неизбежно влечет за собой неполноту записи воспоминаний, искажение фактов, оценок и суждений рассказчика».

При расшифровке записи также важно сохранить особенности и уникальность собранного материала, поэтому нельзя подвергать собственному редактированию текст беседы. Историки, практикующие интервьюирование, единогласно утверждают, что запись должна отражать тот словарный запас, которым обладает рассказчик [Русина, с. 230–231; Щеглова, с. 13; Филюшкин, с. 11]. Текст расшифрованной беседы дается на прочтение респонденту, если он не имеет замечаний и уточнений, то ставит свою подпись.

Результатом работы по сбору устных свидетельств должно стать формирование архива устных историй. Как правильно его организовать? Каким образом систематизировать и хранить полученные документы? Эти вопросы неизбежно возникают в ходе устно-исторических опросов перед исследователями. Специалисты в области устной истории рекомендуют вести работу по упорядочению собранного материала одновременно с опросом, то есть документы должны систематизироваться и учитываться еще в процессе их сбора. Представляется удачной система

учета устных историй, разработанная Т. К. Щегловой. Исследователь предлагает на каждый документ создавать карточки, в которых фиксировать место записи, время, данные об интервьюере, тома документа, номер единицы хранения. В будущем на их основе можно создавать картотеку устных рассказов. При этом одновременно ведется опись устных источников в конторских тетрадах по разработанной форме [Щеглова, с. 20].

Форма учета материала

№ п/п	№ ед. хр.	Где собран материал	Наименование документа. Краткое содержание	От кого получен материал	Дата поступления
------------------	--------------------------	------------------------------------	---	---	-----------------------------

Анкетирование – метод устно-исторических исследований, в котором основным инструментом сбора выступает анкета. В отличие от интервьюирования, анкетирование может проводиться менее подготовленными специалистами. Качество собранной информации при анкетировании больше зависит от правильного оформления анкеты и корректно сформулированных вопросов. Л. Н. Мазур обобщила накопленный в социологии опыт формулировки вопросов и выделила несколько базовых правил, соблюдение которых «поможет исследователю получить качественный инструментарий» [Мазур, с. 222]:

- вопрос должен быть простым и задаваться только об одном предмете (нужно избегать ситуации, когда в одной формулировке заложены два или больше вопросов);
- вопрос должен быть по возможности коротким, не рекомендуются усложненные длинные формулировки;
- вопрос должен быть понятным для всех отвечающих;
- форма ответов должна быть удобной для записи;
- вопрос не должен вызывать отрицательных эмоций.

Кроме того, в основе составления анкеты лежат определенные правила композиции. Традиционно в структуре анкеты исследователи выделяют три части [Мазур, с. 221]:

- вступительная часть (разъясняется, кто и с какими целями проводит опрос, а также приводятся инструкции по заполнению анкеты);

– основная часть (содержатся вопросы, которые обычно располагаются по схеме: от простых к сложным в середине и снова к простым в конце; в конце обычно располагают паспортичку, то есть вопросы о личности респондента);

– заключительная часть (выражается благодарностью респонденту за сотрудничество, а также указываются контактные адреса и телефоны).

Несмотря на кажущуюся простоту, составление анкеты – непростое дело и требует от исследователя знания сути исторических процессов и техники опроса. Для овладения мастерством составления анкеты можно обратиться к опыту этнографов, социологов, фольклористов.

Таким образом, проведение устно-исторических исследований основано на выполнении комплекса организационных, теоретических и методических мероприятий, нацеленных на создание новых источников по истории и их документирование. Необходимо помнить, что только правильно оформленные источники будут иметь историческую ценность для последующих поколений. Библиотеки, обладающие такими собраниями, закономерно превращаются в подлинные центры живой региональной памяти и пользуются высоким авторитетом.

О взрыве церкви Казанской Божией Матери в Нижне-Исетске

Аникеев Николай Панкратьевич

пенсионер, 60 лет

записали студенты филологического ф-та УрФУ

Яна Малькова, Настя Иконникова

март 2014 год

И в семьдесят четвертом году приезжал к нам бывший... был такой раньше член ЦК КПСС, был еще в свое время такой – Кириленко. И он проезжал с Ельциным в свое время, когда Ельцин был еще первый секретарь тогда Горкома. Вот это, из города, когда проезжал, и видит: на въезде на Химмаш стоят, развалины церкви стоят. Вот проезжает и говорит: «Что, – говорит, – у вас за такое убожество на въезде на Химмаш. Надо, пора уж убирать все это дело. Или давайте ее делайте, чтобы была красивая, или убирайте». Ну, и через неделю, приехали саперы... Это было в семьдесят четвертом году, даже время указано: 20 июня в 14.30 мин. Вот. Очень много тут было верующих, кричали: «Безбожники! Атеисты!». Вот, видите, как бы солнце в таком получилось ореоле, в ореле получилось солнце... Взорвали церковь.

Ее взорвали, все уехали, а тут раньше был, был дефицит с кирпичами – ну, когда строили гаражи свои, помните? И когда ее взорвали, церковь–то эту вот, все гаражники–то как бы были местные–то гаражники: «О! тут будут кирпичи – куча». «Все, мы тут разживемся, поставим гаражи». Они, когда туда подошли, посмотрели, гряд: «О, нам тут делать нечего». Почему? Потому что... эх... в те года, когда ее сделали, использовали для связки кирпичей не как сейчас вот (там цемент, допустим, да?), а использовали яичные белки. Яйца. Да, обычные яйца. Нужно было очень много яиц. Да–да–да–да. Делали, такой делали раствор и тоже как бы там смешивали с песком, но была основа – это было яйцо, белок. Белок, желток – неважно. Сгребали, так же перемешивали, и получалось такое сцепление между кирпичами, что, вот когда ее взорвали, она вот такими кусками здоровенными развалилась, и ее нельзя было расколотить. То есть это была такая сильная, сильная была связка, вот эта вот, яйца для связки, то есть бесполезно было колотить это. Говорят: «Ну все, извините, тут нам делать нечего». Ее делали на века, то есть она была сделана, ну, намертво, то есть там уже бесполезно было что-то делать....

О потайном подземном ходе, ведущем в церковь

Казанской Божией Матери, и золотом кресте

Что еще с ней [церковью Казанской Божией Матери. – Н. С.] связано интересного?... Мы, маленькие ребята, ну, скока мне было... Лет, наверное, десять–тринадцать... не знаю... может быть... нет, меньше, наверное, получается. Бегали, лазили, и там кто-то сказал. Мы знали: вот в этом здании жил и... ну как... архиепископ или поп – неважно – кто вот главный был в этой церкви. И нам сказали ребята, ну, постарше, что тут есть подземный ход, который вел прямо из подвала этого дома (этого дома щас вот нету, все уже, он сломан был), и он выходил, где-то выходил в церковь, так выходил вот, через дорогу шел под низ, то есть поп, он сразу из дома, минуя улицу, попадал через ход, попадал к себе в церковь. Ну, и там служба была. Ну, и там служба была, ну, и на всякий случай, может, быть там какие-то хоромы, не знаю. И мы... тут как раз какие-то стали делать ремонтные работы... вот тут вот стали копать. Мы как раз бегали с ребятами, проходили, видим: и точно – там какой-то провал и такая как бы вот... ну, как объяснить... апочка такая. Там потому что уже все сломано было. И видно, что вот тут был ход, его было видно,

ход туда шел. Ну, там уже был ход весь засыпанный естественно, но сам факт, что ход был. И, потом, через некоторое время... уже даже не помню, год какой, не помню. Пока ее еще не взорвали, церковь, мы с ребятами, то же самое вот, были, как говорится, дети были, везде лазить надо было, и мы лазили вот здесь вот по церкви. Ну, вход был как бы вход свободный, можно было залезть, тут не было такой ограды, не было. И я вот не помню, где, на каком-то, или вот здесь, или здесь мы залезли на чердак. И нас было, ну, помню, человек пять или шесть. Слышу, я слышу разговор такой. «Нашли». – «Чо нашли?» – «Вот, смотрите!». И я помню как бы, у меня живет в голове, я вам уже говорил, да, грил? Нашли крест золотой. Настоящий золотой крест. Вот такой вот, красиво сделан вот так вот. Ну, такой крест. Ну, мы же были дети, то есть как бы не отражали того, что это была, какая-то была ценность. Естественно, потом кому-то... взяли его, куда-то там утащили. Я просто видел его, видел его живьем, а потом-то как бы, потом уже стали спрашивать. Оказывается, когда, перед тем, как в тридцать третьем году церковь... ну... стали закрывать, там, большевики, стали все эти вот по возможности ценности прятать стали, закапывать там – неважно. И вот, видимо, этот вот крест кто-то, видимо, закопал его вот в этот... думали, сохранится, еще, ну, в те года. Вот он лежал, это мы там были наверно в шест... не скажу... но по крайней мере до семьдесят четвертого года, пока ее не взрывали. Там лазили – нашли. Вот нашли этот крест, а потом он куда-то подевался уже. Ну, дети были маленькие. То, что я помню хорошо, вот этот вот подкоп, это мы видели, прекрасно видели на входе, что там такая арочка была, как бы интересно было сделано. Ну и как бы вот тут бежали, ходили; ну, там жили, постоянно жили, дак все облазили, но больше такого нет... больше такого как бы вот, ну, не находили....

О трофейном кортике и браунинге

Так, что связано еще вот с этим [с Нижне-Исетском. – Н. С.] интересного? Уже, я думаю, мы плавно переходим к послереволюционному периоду или что-то еще интересно? Что еще можно вспомнить... То, что вот, тоже связанное с тридцать седьмым годом, бабушка, то, что интересно. Мой дед... жалко я фотографии... ну, ладно... я фотографии не взял его и бабушкины тех лет... мой дедушка, он в Гражданскую войну, в Первую мировую воевал, его призвали в шестнадцатом году... Вот бабушке, вот

они поженились, где-то тысяча восемьсот... ой... в каком же году они... чо-то... двадцать третьем или двадцать... а, не, в двадцать первом, и он перед тем привез с войны, как рассказывала бабушка, оригинальный привез военный кортик (ну, трофей, будем так говорить), как она говорит, инкрустированный бриллиантами. Ну, вот как бы кортик – нож, военный кортик. Сейчас такие продаются. Нож и дамский маленький пистолет браунинг. Вообще, как бы мне бабушка говорит, его даже не видно в руке: маленький, ну, нормальный, он стрелял, все. Ну, просто маленький очень. Как бы ей подарок привез. Все, ну и его спрятали, но, когда вот началась эта вот вся раскулачивание, то есть годы, когда стали ходить продразверстки, они почему-то, не знаю, она говорит, мы испугались, что найдут, а если бы нашли, то это был бы срок. Тут сразу бы отправили бы в Сибирь и там на десять лет. Надо все сдать. А если бы осталось, могли бы посадить. И, как мне говорить, в двадцать четвертом или двадцать пятом году, может, чуть позднее... наверное, попозднее, попозднее... Они испугались, у них были лодки в доме у каждого, где они жили, выехали на пруд, выехали на пруд и это все дело утопили, как она говорит. Потом, грит, искали, искали... Потом они пытались, конечно, найти, но там, конечно, течение, естественно. Мы там тоже пытались как бы чо-то найти, ну, естественно, это уже бесполезно. Все, и вот, там он, видимо, все еще лежит, не знаю, там, в тине, и кортик... Там настоящие были бриллианты на ручке этого кортика. Вот такая вот тоже маленькая история интересная. Это вот то, что бабушка рассказывала. Могла бы все это сохранить, но испугались, даже не стали закапывать, почему-то вот они испугались и утопили....

Мазур Л. Н. Методы исторического исследования : учеб. пособие. 2-е изд. Екатеринбург, 2010. 608 с.

Русина Ю. А. Источниковедение новейшей истории России : [учеб. пособие]. Екатеринбург, 2015. 236 с.

Теория и методология истории : учеб. для вузов / отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград, 2014. 504 с.

Филлюшкин А. И. Методические указания по проведению исследований по устной истории. Санкт-Петербург, 2004. 17 с.

Щеглова Т. К. Методика сбора устных исторических источников : метод. пособие. Вып. 3. Изд. 3-е, испр. Барнаул, 2006. 22 с.